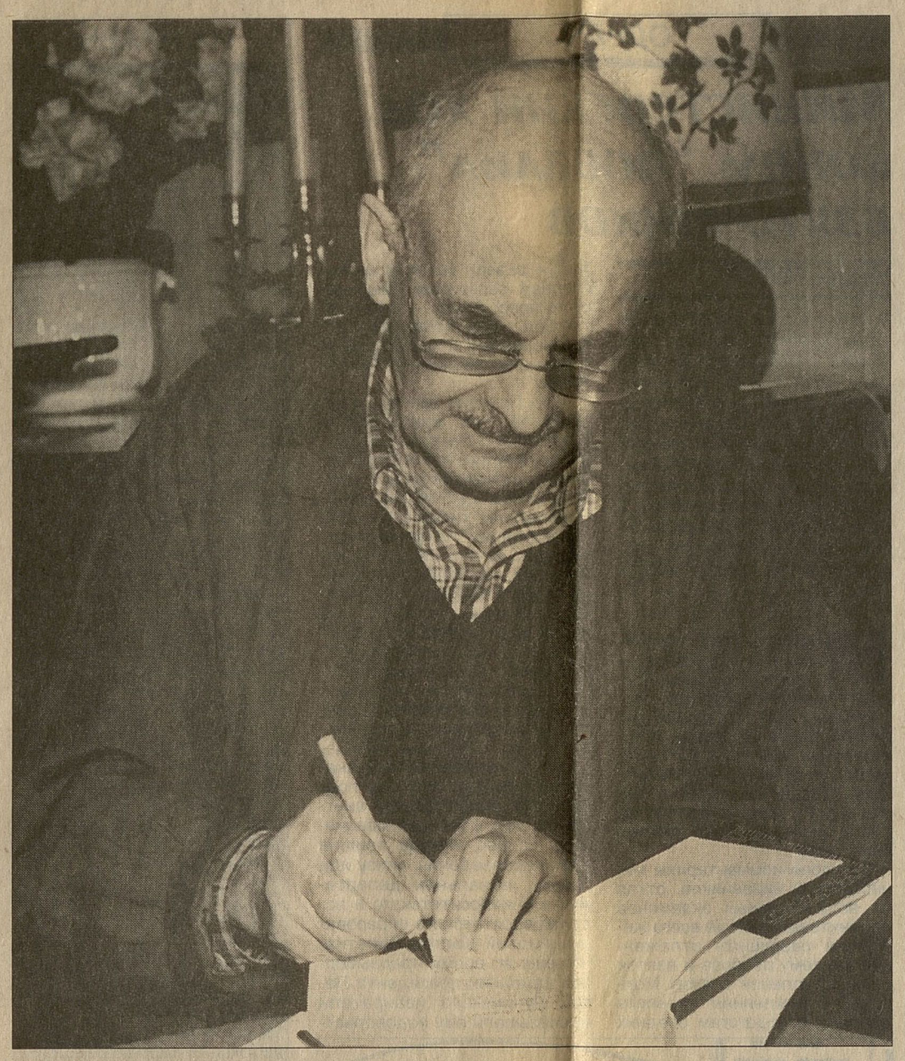
Окуджава Булат Шалвович

Сорок дней

Последнее путешествие Булата

Вот уже больше месяца прошло, а никак не избавлюсь от его присутствия рядом. И день, и ночь видятся его лицо, внимательный взгляд, поворот головы, взмах руки, слышатся произнесенные глуховатым голосом слова и обрывки фраз. Мы все еще путешествуем — прогуливаемся, разговариваем, сидим за трапезой и общим разговором. Изо дня в день, из ночи в ночь — болит и щемит. Он рядом.



Илья МЕДОВОЙ

Телефонный разговор перед поездкой:

– Булат Шалвович, как себя чувствуете?

– Да похвастаться нечем. Но – поедем! Поедем!

Энергичное "поедем!" не вязалось с состоянием Окуджавы последних месяцев. Барахлило сердце, дышалось с трудом. Только что дней десять обследовался по поводу аллергии в больнице. И с год уже, наверное, никуда не ездил.

На фестиваль русской культуры в Марбург его приглашали несколько раз. Прошлой осенью и нынешней зимой он отменил поездку. Терпеливые немцы прислали приглашение снова. В этот раз он поехал. Так мы оказались с Булатом Окуджавой и его женой Ольгой Владимировной в Германии.

В Марбурге все цвело. Одна из улиц утопала в розовой пене сакуры. Высоко в небе парил замок цвета охры.

В первый марбургский вечер мы расположились в летнем кафе и, наслаждаясь теплым вечерним воздухом, любовались огромным лугом, дальним лесом, взбирающимся на гору, сменой их очертаний и цвета в сгущавшихся сумерках.

А на следующее утро Булат Шалвович прочитал нашей небольшой компании только что написанное стихотворение:

Когда петух над марбургским собором
Пророчит ночь и предрекает тьму,
Его усердье не считайте вздором,
Но счеты предъявляйте не ему.

Он это так заигрывает с нами
И самоутверждается притом.
А подлинную ночь несем мы сами
Себе самим, не ведая о том.

Он воспевает лишь рассвет прекрасный
Или закат и праведную ночь.
А это мы, что над добром не властны,
Стараемся и совесть превозмочь.

Кричи, петух, на марбургском соборе,
Насмешничай, пугай, грози поджечь,
Пока мы живы и пока мы в горе,
Но есть надежда нас предостеречь.

Повлияла ли аура Марбурга, где стали поэтами Ломоносов и Пастернак, благословенное ли тепло и буйство природы, или чистосердечная радость от его приезда марбургских друзей, но только Булат Окуджава прервал полугодовое молчание и стал писать стихи.

Здесь ему предстояло выступить перед ценителями литературы в кафе "Фетер". В том самом, где в начале века собирались философы, куда любил захаживать студент философского факультета Борис Пастернак. И где он, выпив последний бокал клубничного пунша, решил покинуть Марбург навсегда. Из Марбурга уехал недоучившийся студент-философ. В Москву приехал поэт.

Спустя восемьдесят пять лет на той же террасе высоко над городом выступал Окуджава. Для встречи с ним приехали ценители литературы со всей Германии – из Берлина и Франкфурта, Дортмунда и Кёльна. Булат Шалвович предупредил собравшихся, что им предстоит не концерт, а просто встреча. Прочел несколько стихотворений, и в их числе "У поэта соперников нету", пронзительное, как завещание. Рассказал смешные и грустные истории из своей жизни. А потом просто беседовал со слушателями.

– Испытываете ли вы ностальгию по прошлому? – спросили его.

– Я испытываю ностальгию по молодости, – ответил он. – Но не по тому режиму, который был. Не могу сказать, что все то время было отвратительно. Что касается людей – все зависело от их таланта, характера.

В детстве я был очень красный мальчик. Твердо верил, что коммунизм – это прекрасно, а капитализм – отвратительно. Что в Германии – бесноватый фюрер, а у нас – гениальный вождь. Что свастика – плохо, а серп и молот – хорошо. Гестапо – отвратительно, а НКВД – хорошо.

Когда арестовали моих отца и мать, я считал, что с ними произошла ошибка, а всех остальных арестовывали заслуженно. Жизнь вносила коррективы, учила меня... После XX съезда я и многие мои друзья думали, что все будет иначе. А через год поняли, что ошиблись. В принципе ничего не изменилось! Когда началась перестройка, мы решили, что все будет иначе. Но эйфория была недолгой. И нам стало ясно, что хотя многое и переменилось, но в принципе советская власть продолжается. И, наконец, после 1993 года мы сочли, что все изменится. А спустя год осознали главное: этот мучительный, трагический процесс столь труден не потому, что во главе какие-то злодеи. А потому, что все наше общество к этому не готово. Мы все – советские люди с советской психологией. И наши руководители из той же школы, что и мы.

В России никогда не знали, что такое свобода. Знали, что такое воля.

Один плотник, который приходит ко мне на дачу и любит поговорить о политике, как-то заговорил о свободе. А я спрашиваю: "Ты знаешь, что такое свобода?". Он отвечает: "Конечно! Это значит – делай, что хочешь!". Я ему говорю: "Нет! Делай, что хочешь, но так, чтобы не мешать другим!". Он обиделся и ушел.

В России никогда не знали, что такое демократия, не уважали личность и закон. Когда все эти качества в нас появятся – не на словах, а в душе нашей, – тогда мы и сможем совершать серьезные преобразования. Но процесс этот идет очень медленно и трудно. Должно смениться несколько поколений. Вот почему, когда выдвигают во власть молодежь, это нужно приветствовать, потому что молодые иначе думают...

Публика принимала поэта восторженно, да и сам Булат Шалвович был воодушевлен. В последующие дни он несколько раз вспоминал эту встречу – доброжелательный настрой, ответную реакцию зала, в которой было понимание...

Девятого мая Булата Окуджаву чествовали в ратуше по случаю дня его рождения. Он и виду не показал, что приехал прямиком из клиники, где его с раннего утра консультировали лучшие марбургские врачи (ничего утешительного не сообщили – лишь подтвердили диагноз московских пульмонологов: легкие в плохом состоянии). Как и полагается виновнику торжества, был улыбчив и бодр.

Обербургомистр Мёллер, президент университета Шааль и председатель литературного общества Легге высказали ему все теплые слова, какие могли. Заявили, что Окуджава при жизни стал живой легендой, всеобщей любовью, в том числе и марбуржцев. Поэт выслушал это стойко. Заметил, что ему очень приятно третий раз оказаться в городе, который с каждым приездом нравится ему все больше. И пожелал марбуржцам такой же зелени, такой же чистоты и такого же отношения друг к другу всегда. А когда президент университета подарил ему глиняное блюдо, сработанное в здешних народных традициях, пообещал, что президент Шааль отныне будет хлебать борщ у него дома, в Москве, именно из этого блюда.

Встреча с русским уличным музыкантом в Кёльне

Вечером мы праздновали день рождения Окуджавы узким кругом в загородном ресторане Бельвю на высокой горе. В широкие окна, словно театральный прожектор, било низкое солнце. Потом заполыхало зарево заката, окрашивая в фантастические цвета портьеры и стены. Виновник торжества сидел лицом к окну, смотрел на закат и улыбался, подперев голову рукой. Он был в прекрасном расположении духа. Иногда принимался отстукивать ритм сильными пальцами музыканта. Придумывал поэтические строки и даже сочинил смешное четверостишие про заказанную мной спаржу. А потом и напел его, добавив, что посвящает это шуточное стихотворение мне.

Настал момент дарить подарки. Участники нашей компании зашуршали бумагой. Во всех случаях это оказались колокольчики. Каждому из нас известна была эта собирательская страсть Окуджавы. Булат Шалвович собственноручно укреплял колокольчики на тонких нитях в потолке своего кабинета в Переделкине. При дуновении ветра они тихо звенели, напоминая о музыке небесных сфер. Позванивали колокольчики и в тот вечер. В звоне этом слышались и музыка любви, и музыка печали...

– Булат Шалвович, эта красотка заигрывает с вами. И явно хочет, чтобы вы ее взяли с собой!

– Но она не понимает, что я уже не молод... — грустно ответил Окуджава.

Пока она вот эдак старалась понравиться, ее хозяйка подарила Ольге Владимировне куклу в традиционном народном платье для Московского кукольного дома и рассказала о фестивалях искусств, которые устраивает в своем городе.

Когда мы собирались уезжать, она вышла прощаться на крыльцо вместе с лучшей своей куклой. Моцарт – добрый, юный, романтичный, не думающий про век свой коротенький, а только о музыке – долго махал нам вслед. Я же мысленно повторял прочитанное Окуджавой в "Фетере" стихотворение "С Моцартом мы уезжаем из Зальцбурга", так подходившее к увиденному и прочувствованному сегодня. "Жизнь моя, как перезревшее яблоко, тянется к теплой землице припасть". Как и многое в этой поездке, оно имело пророческий смысл.

Рассуждая о замечательных немецких дорогах и о самых вежливых в мире здешних водителях, мы катили в Висбаден на "фольксвагене" нашего давнего знакомого, учителя Вилли Люкеля. Старый автомобилист Булат Окуджава любил хорошую езду. И о достоинствах автобана рассуждал с интересом. Чтобы размять ноги в долгой дороге, остановились на площадке возле станции автосервиса, купили в придорожном магазинчике мороженого, воды и понеслись дальше. Булат Окуджава руководил коллективным сочинением стихов: "Сегодня ездили в Висбаден, в пути лакая лимонаден. И, проезжая Визек, Бузек, сочли, что жизнь – сплошная музик".

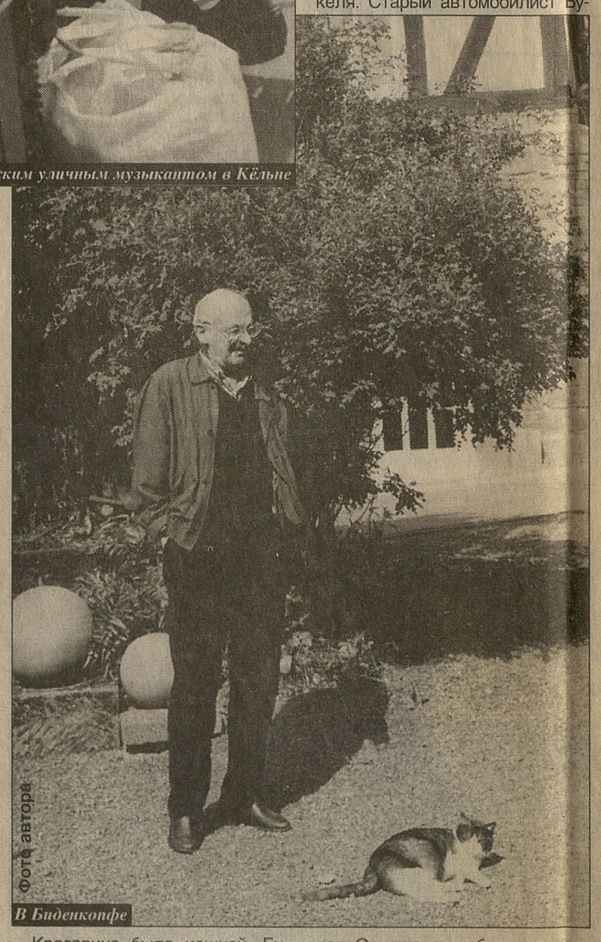


Фото автора

В Биденкопфе

Столица земли Гессен Висбаден – маленький Париж в стиле барокко и эклектики прошлого века с широкими улицами, обсаженными платанами и каштанами. Тенистый городской парк в тот день был отдан детям. Они до изнеможения прыгали на огромных надувных подушках, вышагивали на ходулях, катались на лошадях, пони и крошечном паровозе, выпускавшем клубы пара и дыма и издававшем свистки.

Булат Шалвович устроился с бокалом кока-колы на скамейке. Заявил, что посидит, пока остальные участники поездки сделают круг по парку. Вернувшись на прежнее место, мы его не нашли. Обнаружили Окуджаву на площади перед парком, опять же на скамейке: "Здесь так хорошо писалось!"...

В какой-то момент – кажется, за обедом – увидели вдали купол русской церкви. Пошли туда. Службы не было, но храм открыт. Из динамиков слышались православные песнопения: заходи, ставь свечи, разговаривай с Богом...

Мы долго сидели возле храма, вдыхали ароматы цветущих растений, смотрели на раскинувшийся внизу город. Булат Шалвович в лицах рассказывал забавные истории из своей жизни. Только после этих смешных историй становилось грустно. Одна из них – о том, как Окуджаву в 72-м исключали из партии, а перед этим прорабатывали в писательском союзе. Каждый из шедших на заседание собратьев по ремеслу делал заговорщическое лицо и с успокаивающим жестом говорил ему: "Старик, не волнуйся, все будет в порядке!". А через несколько минут с жаром обличал и разоблачал. После разноса каждый из разоблачителей поясняет потрясенному Окуджаве: "Старик, ты же понимаешь, что это не всерьез, это же – для них!".

Надо сказать, Окуджава с печалью относился к холопам, которые ведут себя как господа.

– Конечно, – говорил он, – тяжело наблюдать то, что сейчас происходит, ощущать материальные тяготы, которые обрушились на всех нас. Но, с другой стороны, в какой-то степени это и возмездие. Ну хотя бы за то, что мы никогда не умели независимо мыслить. Доверяли вождям, генсекам, начальникам. С каким вождением, с каким удовольствием кричали в 37-м году "всех расстрелять и уничтожить!". Вот мы за это и получили.

Но из прежнего психологического состояния, – считал он, – мы постепенно выходим. У нас понемножку появляется чувство иронии и самоиронии. Мы теперь уже не настолько обалдевшие от собственной непогрешимости и своего величия, в чем нас долгие годы старались убедить. Слава Богу, если сегодня сказать, что Россия – родина слонов, все будут смеяться. А прежде ведь не смеялись!

Ему радостно было сознавать, что кончился страшный режим и мы пытаемся найти новое качество, более соответствующее божественной человеческой природе. Что мы в движении, и хоть и трудно, хоть и мучительно, но в пути. Неинтересных эпох не бывает, считал Окуджава. Другое дело, что где-то верх берет кровавая человеческая трагедия, а где-то – надежда на лучшее будущее. Но смесь всего этого и есть сегодня наша жизнь... Главное в этой жизни – не терять надежды и достоинства. В любых ситуациях – быть людьми, уважать окружающих. А не только себя.

Окуджаве страшно хотелось увидеться с Копелевым. Так мы оказались в Кёльне. Едва устроились в отеле "Ламти", Булат Шалвович позвонил ему из номера:

– Встретимся сегодня? Или, может, завтра?

– Сейчас, немедленно! – сказал Копелев, только-только вставший на ноги после гриппа. – Другого раза может не быть!

И вот два представителя редчайшей породы, два подлинных российских интеллигента расположились, как заведено у наших интеллигентов, на кухне (правда, кёльнская кухня оказалась куда обширнее московских). Знаменитый поэт и знаменитый правозащитник, примиритель народов 85-летний богатырь, борода веником, смахивающий одновременно на Льва Толстого и Добрыню Никитича. Кто бы мог тогда подумать, что жить обоим осталось так немного, и скоро, очень скоро, с разницей всего лишь несколько дней, они уйдут из жизни: один – в Париже, другой – в Кёльне.

Ну а в тот вечер обсудили все новости. Поговорили о Вупперталь ском проекте, которым Лев Копелев занимался полтора десятилетия. В 1982 году при университете города Вупперталя начала работать исследовательская группа, задавшаяся целью проследить, как обе страны "открывают" друг друга. Хотели узнать, как возникает образ "чужого", который может стремительно превратиться в образ "врага", понять, почему не сбылись мечты и надежды Канта, написавшего в 1775 году трактат о мире. Вдохновителем этой акции был Копелев. Благодаря ему появился многотомник "Западно-восточные отражения", включающий "зеленые" тома ("Немцы и Германия глазами русских") и "красные" ("Русские и Россия глазами немцев").

Как известно, боевой советский офицер Копелев осмелился выступить в конце войны против неоправданной жестокости к немецкому населению Восточной Пруссии. И за это угодил прямо из госпиталя в лагерь. В 1981 году его за правозащитную деятельность лишили гражданства и вынудили покинуть Советский Союз. Главной своей задачей он считал научить людей терпимости, чтобы народы знали друг друга и воспринимали без ненависти и враждебности. Эпоха войн и революций, говорил он, никому не принесла победы. В мировой войне, что началась и все еще продолжается в нашем столетии, могут быть лишь временно торжествующие...

А как относился к войне фронтовик Окуджава?

Он не строил иллюзий насчет ее смысла. Считал войну делом противоестественным, противоречащим человеческой природе. Его мучило словосочетание "Великая Отечественная война". Он считал кощунственным называть войну, бойню великой. Великая победа, великие герои, великий народ – другое дело...

Во время своей последней встречи Копелев и Окуджава говорили о русской истории. ("Трудно научиться у истории, но учиться необходимо", – считал Копелев. Что касается Окуджавы, то, по его мнению, человек должен не пытаться видоизменить историю, а изучать ее, понимать и ей споспешествовать). Рассуждали и об интеллигенции (тут выявились разные точки зрения относительно того, что такое интеллигенция); о том, должен ли быть литератор фигурой публичной и об эволюции современной российской публицистики. Окуджава в отстаивании своей позиции был тверд. Копелев, проявляя завидную эрудицию, свободно цитируя русские летописи и классиков философской мысли, – уходил от конфликта. Эта мягкость спора потрясла меня. Его участники не пытались себя показать, а собеседника подавить. Напротив – проявили предельное уважение друг к другу, деликатность к чужому мнению и умение слушать. Как, в общем-то, и надлежит интеллигентам...

Кстати, над темой интеллигенции Булат Окуджава размышлял много лет и высказывался по этому поводу не раз. Его позиция, напомню, состояла в том, что интеллигентность – не профессия, не наличие вузовских дипломов, а состояние души. Истинный интеллигент, говорил Окуджава, тот, кто жаждет знаний, и не из личной корысти, а обуреваемый желанием принести эти знания на алтарь Отечества, потому что для него общественное превыше личного, духовное превыше материального; интеллигент категорически не приемлет насилия (и этим отличается, например, от большевиков); он уважает личность; стремится независимо мыслить, терпим к инакомыслию и зачастую склонен сомневаться в собственной правоте (отсюда – склонность к самоиронии); это человек с больной совестью...

Разумеется, Окуджава никогда не называл себя интеллигентом (по его мнению, это было бы равносильно провозглашению себя порядочным человеком с тонкой душой и больной совестью), но не скрывал своего желания быть им. Освобождение от собственных недостатков и пороков, по его мнению, и есть приближение к интеллигентности. "Хочется быть интеллигентом – будьте им. Интеллигентами не назначают". Эти слова можно считать его заветом.

Сорок дней без Булата... Вновь и вновь перебираю в памяти детали путешествия, которое оказалось для него последним. Каким он открылся мне в этой поездке?

В первый же марбургский вечер Окуджава сказал, что в нем – два начала: грузинское и армянское. Когда ему хочется петь, берет верх грузинская половина. Тянет работать – заявляет о себе армянская. И я не раз наблюдал, как Булат Шалвович прекрасно произносил тосты, замечательно руководил застольем, увлеченно рассуждал о прелестях вольной езды. В такие минуты его озарял свет избранности, и в облике было что-то от путешествующего инкогнито короля.

Иногда, глядя, как он блаженно щурится на солнышке, я думал: вот-вот запоет! Но нет, песни, если не считать напетые в день рождения сочиненные тут же стихи, я ни разу от него так и не услышал. Зато стихи Окуджава читал часто. И нередко вместе с Ольгой Владимировной, которая помнит всю его поэзию наизусть.

И все же армянская половина его души в этой поездке, пожалуй, брала верх. Окуджава много работал. Писал прозу и стихи. Во время совместных прогулок час-то говорил, что хочет посидеть на скамейке или за столиком кафе: "А вы погуляйте!". Возвратившись, мы всегда обнаруживали его с рабочим блокнотом. За обедом в каком-нибудь кафе он читал нам новые строки... Казалось, его одолевал творческий зуд, и он торопился выплеснуть то, что его переполняло. Однажды сказал с огорчением: "День пропал!" Между тем, событий тот день вместил много. А "пропал", наверное, потому, что из-за долгого переезда в Кельн Окуджава не смог использовать лучшие утренние часы для работы.

Он радовался, что его не тянет к телевизору. Зато читал прихваченные с собой московские газеты и "Актерскую книгу" Михаила Козакова, о которой отзывался очень высоко – как о прозе умной, тонкой, подметившей важные реалии нашей жизни и ничего не приукрасившей.

– Как чудесно, ребята! – говорил он, когда мы бродили улицами Кёльна. Ходить ему со стимулятором в сердце было трудно. Но он не подавал виду. В кёльнском отеле не было лифта. Но Окуджава стойко преодолевал лестничные марши. Он был мужественным человеком и ничего не боялся.

На витрины не заглядывался, покупок не делал. Только один раз на моих глазах долго и со вкусом выбирал в специальном магазине на кёльнском пешеходном "Арбате" перочинный нож "Викторинокс" со множеством лезвий. У него была тяга к хорошим инструментам. И дома – россыпи великолепных отверток с красивыми ручками, пассатижей из наилучшего металла и всевозможных слесарных приспособлений.

Знаю секрет – перед поездкой Булат Шалвович собственноручно укоротил вельветовые брюки сына Були. В них и ходил – элегантный до умопомрачения. Элегантность и изящество, безукоризненный вкус во всем – были его отличительными свойствами.

Не пускался в откровенность с первым встречным и тем не менее был человеком общительным. Основой его тяги к общению была, мне кажется, жажда познания мира и характеров. С видимым удовольствием он рассказывал о том, что ему поведали новые знакомые, словно дело касалось людей близких. Размышлял вслух о рассказанном ему официантом в греческом ресторане, нашими соотечественниками, живущими в Австралии, московским художником, пробующим себя в Кёльне, и врачом из Казахстана, работающим в марбургской клинике. Думаю, и новые его знакомые вспоминали потом об этих встречах с восторгом. С ним было просто и естественно. Он был прекрасным рассказчиком и остроумным собеседником. Остроумным, но не язвительным. Уважающим собеседника и человеческую личность.

Меня восхищала манера Окуджавы говорить просто о сложном. Обходиться минимумом слов, но выбирать и расставлять их настолько точно, что звучало это всегда квинтэссенцией смысла.

Выросший на Арбате, он был истинным горожанином. Лучше всего, по его словам, чувствовал себя не в парке, а на улице, в толпе, за столиком какого-нибудь уличного кафе, где можно было одновременно наблюдать и писать. В кёльнском кафе под открытым небом родилось и стихотворение про Обломова, в котором была такая строка: "А я люблю Обломова за то, что он порядочный и честный". Наверное, и последние строки про Париж тоже родились в каком-нибудь кафе:

Вниз поглядишь –
там вздыхает Париж.
Именно он, от асфальта до крыш.
Вверх поглядишь –
там созвездия крыш.
Крылья расправишь –
и тут же взлетишь.
Вот я взлетаю на самую крышу.
Что же я вижу? Что же я слышу?
Вижу скрещение разных дорог,
Слышу знакомый Москвы говорок.
Там собираются время от времени
Стайки гостей из российского племени
Передохнуть от родимого бремени.
Вдруг залетевшие в этот Париж,
Где не захочешь –
да воспаришь.

...Но это было уже несколькими днями позже того, как солнечным утром 16 мая мы помахали друг другу на кёльнском железнодорожном вокзале через толстое стекло поезда, который доставил Булата Шалвовича и Ольгу Владимировну в Париж. Булату Окуджаве осталось жить чуть больше трех недель...

На панихиду в Театр Вахтангова люди шли нескончаемой вереницей под проливным дождем. Глядя на них, я многое узнал о России. Хотя настоящих людей, прав был Булат Шалвович, действительно очень мало, в тот день их неожиданно оказалось очень много. Прощание продлили один раз, затем другой. А люди все шли, шли и шли – до позднего вечера. Никогда не видел столько добрых, чистых, светлых лиц.

Вместо полагающихся траурных мелодий звучали собственные песни Булата Окуджавы. Его уход оказался подстать его песням – негромкий, несуетливый, без пышности и шелухи ненужных слов.

После панихиды и похорон по всей Москве прошли поминки – в Доме работников искусств, Доме литераторов, в московских квартирах. Одновременно с Москвой столы накрыли в Париже, Бостоне, Нью-Йорке...

Недавно услышал: "Как жалко Булата!".

Но не стоит его жалеть. Ведь он умел быть, а не казаться. Быть самим собой и наслаждаться этим. Он ушел из жизни достойно, до конца дней не изменив себе. Печаловаться надо о России, чьим голосом он был. И жалеть – нас. Ведь это мы, в отличие от него, в большинстве своем не в силах совершить то, что хотим, не умеем понять своего предназначения, пребываем в состоянии угасающих желаний. Но перед нами – блистательный его пример. ●

После выступления в кафе "Фетер"